

НОВЫЙ ПОВОРОТ ВЛЕВО? ТРАНСФОРМАЦИИ ТРОЦКИЗМА ВО ФРАНЦИИ

С. Абердам

5 февраля 2009 г. широко известная французская ультралевая организация Революционная коммунистическая лига (РКЛ) собралась на свой последний съезд в Ля-Плен-Сен-Дени, курортном местечке к северу от Парижа, чтобы заявить о самороспуске. Другой съезд, проводившийся там же с 6 по 8 февраля, объявил об основании Новой антикапиталистической партии (НАП), уже изначально насчитывавшей в три раза больше членов, чем РКЛ. Событие широко освещалось французскими масс-медиа, которые в очередной раз оживленно комментировали заявления Оливье Безансено, официального лидера нового объединения. Месяц спустя газета *Figaro* вышла с заголовком на первой странице: «Безансено и ультралевые хотят придать политическую окраску забастовке, которая состоится в четверг». Накануне манифестаций 29 февраля, которые должны были собрать три миллиона участников, подобное сообщение выглядело скорее банальностью, чем новостью. В то же время на двадцатой странице *Figaro* был опубликован результат исследования института BVA¹, гласивший, что лидер НАП вызывает почти такое же доверие, как и... глава государства, президент Саркози: 35 и 38 % французов соответственно посчитали их «способными изменить положение вещей».

Впрочем, эффектные заявления газеты или исследовательского агентства не меняют реального положения дел: политический рейтинг ультралевых остается все же намного более низким, нежели у их официального лидера: молодой симпатичный почтовый служащий, обла-

Серж Абердам, доктор истории, генеральный секретарь Общества робеспьеристских исследований, депутат муниципального совета коммуны Иври-сюр-Сен от Новой антикапиталистической партии (НАП), член Редакционного совета «Французского ежегодника».

¹ Институт, специализирующийся на исследованиях рынка и общественного мнения. – *Прим. перев.*

дающий недюжинным красноречием и чуждый кондовой политической фразеологии, заработал немалую популярность благодаря все более частым появлениям на телеэкране, а также сотням менее броских выступлений перед работниками закрывающихся предприятий и жителями небогатых кварталов, страдающих от политики правых. Будучи объектом самых изощренных кампаний дискредитации, сочетающих убийственную клевету и открытое вмешательство в частную жизнь, этот человек, тем не менее, продолжает олицетворять собой сопротивление системе и сохраняет невероятную популярность. Его непосредственность, естественность, исключительный для политика статус наемного работника и постоянная активность способствуют тому, что «друзья Оливье Безансено» понемногу присоединяются к новой, только что созданной политической организации...

Будет ли способна эта основанная в феврале 2008 г. партия составить альтернативу традиционным левым, которые в своей нерешительности являют сегодня собой жалкое зрелище и почти не скрывают радости от того, что им не надо разбираться с последствиями мирового кризиса и можно свалить все заботы на правых? Сотни тысяч увольнений следуют одно за другим, и чтобы бороться с последствиями кризиса, чтобы мобилизовать население на поддержку инициатив по перестройке экономики и производства, необходимо, объединив всех, кто может сопротивляться, практически заново строить народное движение социального протеста на тех руинах, что остались после упадка 1980-х 1990-х гг. Еще слишком рано говорить о том, приведет ли превращение изначально троцкистской организации в «партию социальной борьбы» к каким-либо далеко идущим последствиям, которые пока, по мнению прессы, все-таки довольно ограничены, и встретит ли в обществе отклик идея перераспределения богатств и продуктов труда. Будущее это покажет, ведь несмотря на все тяготы кризиса, защитная реакция рабочих, молодежи и пенсионеров еще, несомненно, проявится в самых широких масштабах. Сумеют ли традиционные левые партии – социалисты и коммунисты – и далее в той или иной степени играть роль амортизатора социального недовольства и примирителя, чем они занимались на протяжении десятилетий, либо же им придется уступить место новому «представительству» трудового мира? рассуждения на эту тему носят пока что сугубо умозрительный характер, хотя подобная альтернатива уже широко обсуждается в литературе. В конце концов,

то, что в течение последних четырех-пяти лет было написано столько трудов по этому вопросу (см. библиографию после текста статьи), уже можно считать знаменательным. Пусть даже речь идет о журналистских работах, представляющих в аналитическом плане не слишком большой интерес, и о фрагментарных исследованиях в данном случае, чтобы оценить актуальность сюжета, количество более показательнее, чем качество.

* * *

Прежде чем описывать, как обстановка мирового экономического кризиса, начавшегося летом 2008 г., позволила некогда почти маргинальному политическому течению приобрести столь значительный вес, думаю, небезынтересно взглянуть на прошлое троцкистского движения во Франции. Сейчас оно представляется гораздо более основательно укорененным во французском обществе, чем ранее полагали авторы обобщающих исследований.

Для начала напомним, что три дожившие до наших дней изначально троцкистские организации непрерывно действуют во Франции, по меньшей мере, с середины 1960-х гг. После 1969 г. каждая из них имела в среднем несколько тысяч членов и сочувствующих, была способна выпускать, по меньшей мере, еженедельную газету (а иногда и ежедневную), использовала различные формы деятельности, обладала влиянием в профсоюзных кругах, принимала практическое участие в разнообразных социальных движениях и даже имела своих представителей в руководстве ими. Все три соперничавшие организации с переменным успехом регулярно участвовали в выборах, и общие результаты их в течение последнего десятилетия неуклонно улучшались, а теперь уже регулярно и весьма заметно превосходят число голосов, набираемых Французской компартией (ФКП). Подобных успехов они добиваются на выборах всех уровней, включая муниципальные, что свидетельствует о влиятельности этих объединений на местах.

Примечательно, что речь идет о группах, которые долгое время расценивались как «маргинальные» или «сугубо интеллектуальные», как секты, далекие от реальной жизни. Сталинистская пресса называла их «головорезами», «гангстерами», «гитлеро-троцкистами». Они тирировались до такой степени, что не могли распространить ни одной

листочка, наклеить ни одной афиши, не позаботившись предварительно о мерах собственной безопасности. Нетрудно догадаться, что столь разительные перемены в их положении произошли не в один момент и не стали чьим-то единоличным достижением, а были связаны с глубокими изменениями внутри французского общества.

* * *

Чтобы проследить пройденный ими путь хотя бы в общих чертах, лучше всего начинать с середины 1940-х гг. Год 1945-й выбирается в качестве точки отсчета не для красного словца, а как напоминание о том, что все идеологические и политические течения во французском обществе, и левые, и правые, были обращены в руины шоком поражения 1940 г. и затем вынуждены были заново возрождаться в обстановке всеобщего хаоса. Все умозрительные построения, возникшие под влиянием великой бойни 1914-1918 гг., русской революции, мирового кризиса 1929 г., наступления фашизма, создания Народного фронта, войны в Испании... оказались развеяны пактом Молотова-Риббентропа, а затем гитлеровским вторжением, покончившим с Третьей республикой. Порожденный Первой мировой войной пацифизм и интернационализм различных направлений рабочего движения, симпатии к СССР и банальный патриотизм, чувство превосходства колониальной нации и «универсальные» ценности Просвещения – всё обратилось в прах от пережитого шока, и потребовались еще многие годы, чтобы всё собрать и заново расставить по полочкам.

Если говорить о тех движениях, на которые в 1920-е и 1930-е гг. так или иначе повлиял Лев Троцкий, то они были совершенно дезорганизованы убийством в Мексике своего лидера в августе 1940 г., чего собственно и добивались его палачи со Сталиным во главе. Активисты этих движений, разрозненные в охваченном войной мире, должны были теперь разбираться с почти неподъемным грузом политического наследства, оставленного «патриархом», в частности, с высказанными им в 1936-1939 гг. весьма многогранными идеями о том, как надо действовать в Испанской революции, ставшей прологом к новой мировой войне. И действительно, всем существовавшим до войны ультралевым течениям, которые сумели сохраниться, несмотря на рост влияния ФКП, пришлось переосмысливать свои фундаментальные ценности в период

оккупации, в рядах движения Сопротивления или вне их, в послевоенную эру «трехпартийности» и, наконец, в период следовавших за ней колониальных войн.

* * *

Для троцкистских течений опыт 40-х 50-х гг. знаменателен не только разногласиями по вопросам внешней политики расхождением, которого они так никогда полностью и не преодолеют, но также стихийной борьбой разрозненных политических бойцов, практически одиночек, не имевших какого-либо, пусть даже ограниченного, международного руководства, способного координировать их действия. Эти кучки активистов, рассеянные тут и там, искали методом проб и ошибок возможность восполнить отсутствие такой партии, которая действительно выражала бы интересы эксплуатируемых, и вели на свой страх и риск, часто жертвуя жизнью, борьбу с гитлеровцами, с национальной буржуазией и со сталинистами нередко со всеми одновременно. Сегодня в программных текстах нынешних троцкистских организаций Франции явно прослеживается связь с опытом их действий в 1940-1945 гг. и в последующие годы. Даже если эти действия чаще всего предпринимались всего лишь небольшими группами активистов или даже просто храбрыми одиночками и если предполагаемая преемственность является скорее позднейшей реконструкцией, тем не менее, борьба тех лет имеет важное символическое значение, как раз потому что троцкисты ее вели, идя «против течения» и при помощи крайне скудных средств.

В этой связи можно упомянуть о подпольной работе по формированию антифашистских ячеек в гитлеровских оккупационных войсках, расквартированных преимущественно в Бретани. Эта интернациональная в полном смысле слова деятельность осуществлялась крайне малочисленной группой и завершилась гибелью едва ли не всех ее немецких и французских участников, что не помешало, однако, появлению в дальнейшем вокруг Бреста и на «красном» побережье Бретани новых ячеек сочувствующих троцкизму, которые активизировались после войны и продолжают действовать по сей день.

Еще один пример – работа, уже не столь секретная, среди вьетнамцев, принудительно мобилизованных колониальными властями на работу, а затем оставленных в лагерях тюремного типа. Некоторые свя-

зи, завязавшиеся тогда, в 1942-1944 гг., сохранились даже после первой войны во Вьетнаме (1946-1954).

Можно вспомнить также о борьбе в рядах Сопротивления, где троцкистам приходилось налаживать нелегкое взаимодействие с националистами, социалистами и сталинистами. Последние не останавливались даже перед уничтожением несогласных, как это имело место в случае, описанном на страницах книги «Убийство в партизанском отряде»², – когда в руководимом коммунистами крупнейшем отряде центральной Франции сталинисты расправились с Пьетро Трессо, одним из старейших основателей итальянской компартии, и тремя другими троцкистами.

Был опыт и подпольной борьбы в концлагерях. Воззвание «От троцкистов Бухенвальда», составленное четырьмя выжившими людьми разных национальностей сразу после освобождения из лагеря, – это душераздирающий документ, не получивший в дальнейшем широкой известности, но свидетельствующий о тех надеждах, которые возлагались тогда на «второе издание» в побежденной Германии социальной революции, как это было в 1918-1920 гг. Концентрация в буквальном смысле этого слова и принуждение к работе на территории Рейха огромного числа трудящихся, пригнанных из всех европейских стран, казалось, должны были придать грядущей революции общеевропейский масштаб. Выжившие троцкисты пытались донести подобные соображения до своих товарищей немецких коммунистов, проводивших в лагерях более десяти лет. Давид Руссе в книге «Дни нашей смерти» (1947) рассказал о том, как велась политическая работа в лагерях под носом у нацистских палачей, и описал, какие перемены происходили там с различными политическими течениями и, в частности, с остатками прежней компартии Германии. Это впечатляющее произведение, оригинальность которого в наши дни еще более очевидна, переиздается снова и снова. Моральный авторитет, приобретенный описанием «мира

2 Broué P., Vacheron R. Meurtres au maquis / En collab. avec A. Dugrand. P., 1997. Книга историка Пьера Бруэ и профсоюзного активиста Раймона Вашрона, написанная в сотрудничестве с журналистом Аленом Дюграном, – результат двадцатилетнего расследования, проведенного ее авторами. На основе многочисленных свидетельств, включая показания участников событий, они осветили ранее почти неизвестную широкой общественности страницу французской истории периода Второй мировой войны, а именно – практику физического уничтожения коммунистами своих политических оппонентов внутри Сопротивления. *Прим. перев.*

концлагеря», позволил автору почти сразу же после войны одним из первых во Франции приступить к разоблачению советского ГУЛАГа.

Обращу особое внимание на то, что с конца 1944 г. вся деятельность троцкистов происходила на фоне возросшего влияния ФКП. После периода трудностей, связанных для коммунистов с заключением пакта Молотова-Рибентропа, а затем – с участием в Соппротивлении, это влияние достигло апогея и притягивало к компартии все те силы в рабочем движении и вне его, что еще сохраняли свою независимость. В освобожденной Франции продолжалось сотрудничество между бывшими союзниками по движению Соппротивления. Это выражалось в том, что ФКП следовала за генералом де Голлем, поддерживая его политику восстановления страны и мобилизации усилий нации. Морис Торез, вернувшийся из Москвы и ставший заместителем премьер-министра, вместе со своей партией старательно проводил в жизнь лозунг «производство прежде всего», блокируя любые попытки рабочего и народного движения выдвинуть какие бы то ни было требования.

Когда в октябре 1947 г. недовольство наемных работников выплеснулось наружу, небольшая троцкистская группа, обосновавшаяся на заводе «Рено» в Булонь-Бийанкуре, впервые попыталась возглавить широкомасштабную акцию социального протеста – опыт, долгое время остававшийся уникальным. Подобный образ действий – бороться за выполнение требований рабочих путем забастовки, не подстраиваясь под мнение правительства и действуя даже вопреки ему, – возрождал, пусть и в более скромном масштабе, фундаментальные расхождения между сталинистами и троцкистами, проявившиеся еще во время стачек 1936 г.

ФКП, входившая в правительство, более чем толерантно отнеслась в мае 1945 г. к кровавым репрессиям колониальных властей Алжира против участников народных манифестаций, которые компартия объявила фашистской провокацией, хотя они и были порождены всеобщей бедностью, надеждами на демократизацию и отчаянием сторонников национального движения Алжира при виде бездействия левых. Такая позиция коммунистов в колониальном вопросе и коренное несогласие с ней троцкистов также отражали противоречия, имевшие место во времена Народного Фронта и восходившие еще к дискуссиям по основополагающим проблемам стратегии Коминтерна. Немногочисленные ветераны троцкистского движения во Франции стали свидетелями воз-

обновления таких же политических дебатов, как и те, что обозначили водораздел между коммунистами и троцкистами еще в 30-е годы, а теперь велись практически по тем же самым вопросам. Это постоянство тематики внутривнутриполитических дискуссий отчасти компенсировало обезкураживающий поворот событий на международной арене, где все пошло не так, как ожидалось.

Когда пройдя через период восстановления, страна справилась с экономическими и социальными трудностями и вступила в «славное тридцатилетие»³, троцкистским ячейкам, даже тем, что базировались на предприятиях, было очень трудно продолжить свое существование, если только к тому моменту они уже не заняли достаточно сильных позиций в профсоюзных организациях (как, например, в союзе почтовых служащих во время большой забастовки 1953 г.) или в молодежном движении (как, например, в объединении по организации досуга *Auberges de jeunesse*). С другой стороны, обладание подобными позициями впервые дало занимавшим их активистам реальную возможность для институциональной интеграции и даже для продвижения по службе, но реалии холодной войны, достигшее апогея влияние Французской компартии и жесткость применяемых ею методов вынуждали сторонников троцкистского движения не высовываться, если хотят жить спокойно. Отсюда более или менее ограниченный выбор действий и удивительное порою распределение сил, например, в тех секторах профсоюзного движения, откуда сталинисты были изгнаны при помощи реакционеров, либо в обществах социального страхования, которые с появлением практики организованного отдыха быстро превратились в важные источники дохода.

* * *

Из-за того, что предсказанная приверженцами Льва Троцкого общеевропейская революция по окончании Второй мировой войны, вроде той, что имела место в 1918 г., так и не началась, движение отчасти оказалось дезориентированным. Насильственная сталинизация стран Центральной и Восточной Европы произошла в результате военной по-

3 «Славным тридцатилетием» (*Trente glorieuses*) во Франции называют период непрерывного экономического роста 1944-1974 гг. – *Прим. перев.*

беды, а не революции. Автономность югославских коммунистов по отношению к СССР, которую они обеспечили себе борьбой с нацизмом, не меняла общего положения вещей. Разгром греческих революционеров – прямое следствие ялтинских соглашений – свидетельствовал о разделе мира. Победа в войне вознесла Сталина на пик могущества внутри страны и престижа вне ее, что свидетельствовало об укреплении, пусть временном и иллюзорном, правившей в Советском Союзе номенклатуры. Холодная война обернулась горячей в Корее и во Вьетнаме. В СССР и странах «народной демократии» прошли новые кампании кровавых чисток, а в США, как своего рода подражание им, хоть и не в такой степени, «охота на ведьм», которая основательно потрепала ряды профсоюзных активистов, работников образовательных учреждений и масс-медиа.

Во Франции, стране-участнице НАТО, где, правда, влияние компартии несколько уравнивало подобные тенденции, разворачивались такие политические баталии, которые сейчас даже трудно себе представить. Они вызывались не только холодной войной, но и традиционными для нашей страны противоречиями.

Так, в 1946 г. эссеист Даниэль Герен опубликовал историческое исследование «Классовая борьба в эпоху Первой республики: буржуазия и рабочие (1793-1797)»⁴. Опираясь на весь массив доступных тогда документов, он применил в своем анализе идеи Троцкого, из-за чего подвергся массивной проработке в печати. Эта тщательно организованная, в советском стиле, обличительная кампания с привлечением журналистов, историков и философов имела целью немедленно покончить с любыми аналогиями между судьбами Французской и Русской революций, к которым подводил читателей Герен... Подобные нападки способствовали созданию на долгие годы такой обстановки, в которой всякий, кто впредь попытался бы прибегнуть к указанным аналогиям, был бы обречен на статус маргинала.

В целом, для троцкистского течения тогда начались долгие годы изоляции, отступлений, расколов, деморализации и перехода время от времени на нелегальное положение. «Паразитический слой» советской государственной бюрократии, отнюдь не собиравшийся содействовать истинно рабочей «политической революции», вышел из Второй миро-

4 Guérin D. La lutte de classe sous la première république: bourgeois et bras nus (1793-1797). P., 1946.

вой войны еще более окрепшим. Эта общественная группа, непостоянная по самой своей природе, стремилась разделить мир с империалистическими странами, несмотря на все противоречия холодной войны, отнюдь не помешавшей ей сделать обширные территориальные приобретения. Бюрократия не только обеспечивала стабильность в мире, периодически вступая в сговор с великими державами, но и оказалась способна подчинить себе революции в освобождавшихся от империалистического гнета странах. Цепь революций от Китая до Кубы и Вьетнама, оказавших важное влияние на судьбы человечества, вызвала у троцкистов теоретические метания из стороны в сторону, в которых им довелось в полной мере задействовать столь любимую ими диалектику. Стало очевидно, что «инерция движения», заданного Октябрьской революцией, иссякла далеко не полностью, вопреки тому, что ранее утверждалось; хотя забастовки рабочих Восточной Германии в 1953 г., а затем национальные движения 1956 г. в Польше и, особенно, в Венгрии и стали для него поворотным пунктом.

Кризис 1956 г., соединивший в себе общественную реакцию на решения XX съезда КПСС, демократические, рабочие и национальные движения протеста в странах коммунистического блока и действия части советского руководства, опасавшейся выпустить ситуацию из-под контроля, особенно наглядно продемонстрировал жестокость советского репрессивного аппарата и нежелание Запада нарушать пределы «зоны влияния» своего партнера. Для западных компартий этот кризис имел тяжелые, а в отдаленной перспективе и смертельные последствия. Малочисленное же троцкистское движение под его влиянием обновило свою идеологию, приспособив ее к текущему моменту. Новая «стратегическая перспектива» троцкистов включала в себя ряд проектов: *политической революции* в «странах Восточной Европы», *социалистической революции* в развитых странах и *антиколониальной революции* в странах Третьего мира.

Венгерский кризис совпал по времени с военным вторжением в Египет объединенных сил Франции, Великобритании и Израиля. Каждый из союзников преследовал свои цели: так, французское правительство пыталось подобным способом покончить с освободительной войной... в Алжире! Эта абсурдная, нелепая авантюра лишней раз убедила наших активистов в необходимости сочетать в своей деятельности интернациональную работу с длительным укреплением позиций у себя в

стране, даже если оно не сулит немедленных результатов.

Тем не менее, в том же 1956 г. имевшихся сил оказалось достаточно для участия некоторых активистов движения в протестах против мобилизации молодых солдат, «призванных» левым правительством на действительную военную службу для «поддержания порядка» в мятежной колонии Алжире. Так началось большая работа троцкистов по противодействию этой войне в 1954-1961 гг. Сначала они оказывали помощь в уклонении от воинской службы молодым дезертирам и тем, кто отказывался идти в армию по религиозным или иным идейным соображениям, затем – непосредственно участвовали в алжирском подполье и, наконец, уже в последние годы войны содействовали обеспечению алжирских партизан необходимым снаряжением, для чего, в частности, создали оружейный завод в Марокко. В каждом из этих мероприятий была задействована лишь малая часть активистов; но все вместе они способствовали формированию особой, довольно устойчивой политической культуры, которая характеризовалась сочетанием интернационализма и антибюрократизма, четкой организации и своеобразного романтизма, внутренней демократии и конспирации.

Последний кризис французского колониализма старого образца вызвал быстрый рост ультра-правых течений, пустивших глубокие корни среди населения колоний и, особенно, в армии. Попытка военного путча, предпринятого в Алжире четырьмя генералами в апреле 1961 г., выглядела достаточно серьезно. Для современников была вполне очевидной близость между этими ультраправыми течениями и теми, что занимались коллаборационизмом в период нацистской оккупации, а ранее, в 1934 г., чуть не захватили власть в Республике. Троцкистские организации, особенно те, которые затем положат начало Коммунистической Лиге, приобрели своего рода специализацию по антифашистской борьбе, ставшую неотъемлемой частью их имиджа в студенческой среде и побуждавшую обращаться к ним как к наиболее компетентной инстанции всякий раз, когда воинствующий национализм вновь пытался поднять голову.

Накануне 1968 г. те три троцкистских объединения, которым было суждено дожить до наших дней, представляли собою не слишком большие группы людей с довольно смутными надеждами на будущее. Однако все они имели определенную политическую специализацию и свои социальные ниши. Одни систематически занимались интернациональ-

ной деятельностью, организуя после окончания войны в Алжире акции солидарности с Вьетнамом и Кубой. Для других было характерно «глубокое проникновение» в профсоюзные и масонские ячейки, где они пытались сосредоточить в своих руках все тайные нити для того, чтобы влиять таким образом на «большие» организации. Третьи, напротив, терпеливо занимались конструированием своего рода альтернативного общества – достаточно узкого объединения воинствующих активистов, способного зато поспорить даже с ФКП за влияние на рабочую молодежь. В той общественной обстановке, когда порожденные Второй мировой войной политические ценности предшествующих поколений утратили прежнюю привлекательность, а молодежь из всех слоев населения начала ставить собственные вопросы, всевозможные радикальные объединения (анархисты, маоисты и др.) появлялись, как грибы после дождя, и вступали между собой в острую конкурентную борьбу.

Каждая из трех упомянутых групп, имевших богатый политический опыт, но разделенных глубокими разногласиями, объяснять причины которых здесь не место, принимала посильное участие во всеобщей забастовке восьми миллионов наемных работников, сотрясавшей французское общество в течение двух месяцев весны 1968 г., забастовке, ставшей одним из звеньев в цепи социальных, политических и культурных движений протеста в разных странах. Тогда во Франции, как и в других местах, получили развитие многочисленные радикальные ассоциации, наиболее крупные из которых так или иначе равнялись на китайский маоизм. Однако во Франции, в отличие, к примеру, от Италии, те три организации, что сохранились и после 1972 г., имели троцкистское происхождение. Они не только внесли реальный вклад в движение мая-июня 1968 г., но и обратили себе на пользу поляризацию в среде молодежи и трудящихся, разочаровавшихся в прежних организация рабочего движения, которые по итогам всеобщей забастовки сумели добиться лишь прибавки к зарплате, быстро съеденной инфляцией.

В последующие десятилетия развитие троцкистского движения определялось следующими факторами:

1. Выход (или возвращение) в более широкие сферы деятельности, что стало возможным благодаря развитию троцкистских организаций и включению их в борьбу за решение тех проблем, которые в предшествующий период выживания и сугубо оборонительной тактики им удавалось обсуждать только теоретически. Кроме того, новые пробле-

мы создавались развитием международной экономической интеграции и расширением рынка наемного труда за счет все большего притока в метрополии работников из стран «Юга» и прихода на предприятия все большего числа женщин. Помимо женского вопроса, остро стоящего перед рабочим движением, которое на протяжении предыдущего столетия его обычно игнорировало, или опасности неконтрольного роста производства, угрожающего жизни на планете, что также обычно недооценивается, нет практически ни одной сферы жизни общества, где бы не действовали ультралевые активисты, ища наиболее приемлемые для социума решения насущных вопросов. Обратившись к троцкистской прессе того времени, мы получим подробный перечень наиболее злободневных для общества проблем и поймем, как медленно откликнулись на них традиционные рабочие организации.

2. В 70-е и 80-е годы происходили спады и подъемы общественной борьбы, перемены в нравах, протестные выступления молодежи, неквалифицированных рабочих, мелких аграрных производителей, женщин, добившихся в 1976 г. права на аборт, солдат срочной службы, обитателей последних французских колоний (заморских территорий и департаментов). Сопричастность ко всему этому троцкистских организаций позволяла им накапливать ценный опыт. Сотрудничая с молодыми французами – выходцами из эмигрантской среды, подвергавшимся грубой дискриминации, и с гомосексуалистами, чье право на работу часто нарушалось, эти организации учились новым формам деятельности и приспособлялись к разнообразным, прежде им не встречавшимся обстоятельствам. Таким же образом троцкистские организации готовили себе кадры, чего они, правда, никогда прекращали делать, но теперь могли заниматься этим в совершенно ином масштабе. Мужчины и женщины, прошедшие через их ряды, не всегда задерживались там надолго, но, даже уходя, выносили для себя что-то новое. Нельзя сказать, что знания, приобретенные в ультралевых организациях 70-х 80-х гг., способствовали карьере в какой-либо из областей, не связанных близко с политикой. Данное обстоятельство было источником раздражения, которое более молодые члены движения испытывали по отношению к «людям *шестьдесят восьмого*», называвшимся также *бэби-бумерами*⁵,

5 Так называли поколения, появившиеся на свет в ближайшие годы после победы во Второй Мировой войне, отмеченные резким всплеском рождаемости. – *Прим. перев.*

и которое порой прорывалось наружу. Впрочем, подобное явление носило все же частный характер, так как троцкистские объединения вплоть до наших дней активно готовили кадры для профсоюзного движения и фактически для ведущих политических организаций. Помимо преумножения опыта практической работы в рамках общественных движений и в новых сферах борьбы, 70-е и 80-е годы стали периодом накопления сил, хотя результаты этого долгое время были далеко не очевидны.

3. После 1968 г. троцкистские объединения не выдвигали какой-либо альтернативной политической программы, способной снискать широкую поддержку в обществе, тем не менее, они, благодаря накопленному опыту практической деятельности, сумели составить конкуренцию главной рабочей партии, ФКП. Та в 1969 г. еще смогла получить на президентских выборах более 20% голосов за своего кандидата Ж.Дюкло. Но, теряя влияние из-за своей зависимости от политики СССР и еще больше из-за жестко централизованного внутреннего устройства, она уже тогда вступила в полосу кризиса, медленного упадка, беспрерывно тянувшегося на протяжении нескольких последующих десятилетий.

Социалистическая партия – СФИО – собрала в 1969 г. меньше 5% голосов, показав самый слабый результат за всю свою историю. Ее, как обанкротившуюся лавочку, приобрел отважный авантюрист Франсуа Миттеран. Он сумел воспользоваться упадком ФКП и потребностью общества в реформах для того, чтобы обеспечить социалистам почти полную гегемонию на левом фланге. Принятая в 1972 г. Совместная программа левых сил определила рамки новой политической конфигурации. Предполагалось, что она, благодаря радикальности намеченных реформ, позволит социалистам получить поддержку компартии и ультралевых, дабы затем с позиции силы привлечь к себе центристов и обеспечить таким образом победу на выборах. Подобная стратегия опиралась на опыт Чили, где правительство Народного единства, схожее с коалицией левых сил во Франции, путем выборов пришло к власти и начало радикальные реформы.

Однако в Чили президент Альенде 11 сентября 1973 г. был свергнут в результате военного переворота и убит вместе с тысячами своих сторонников. Подобное завершение «эксперимента» вызвало большую дискуссию по вопросам стратегии. Значительная часть французских троцкистов пришла к выводу, что коалиция левых сил столкнется с оже-

сточенным сопротивлением крупных предпринимателей. Исходя из этого и следуя традициям «21 условия приема в Коминтерн»⁶, некоторые из троцкистов занялись активной подпольной работой в вооруженных силах, чтобы суметь в дальнейшем парализовать их в случае необходимости. С другой стороны, участники движения широко обсуждали то, как вывести его из маргинального состояния и как построить сотрудничество с активистами больших левых партий, чтобы избавить их от «реформистских иллюзий». Подобные размышления не слишком отличались от тех, что имели место в 50-е годы относительно сотрудничества с активистами сталинистских партий, и результаты тоже оказались сходными: мало-помалу связи окрепли и влияние приняло обоюдный характер, вопреки тому, что изначально планировали социалисты. Один из бывших участников троцкистского подполья, ушедший в социалистическую партию, Лионель Жоспен, даже стал премьер-министром в конце 1990-х гг.

Игра, затеянная Франсуа Миттераном, принесла победу лишь в мае 1981 г., когда, будучи избран президентом Республики, он сформировал правительство левых сил, где львиную долю мест получила новая социалистическая партия. Компартия играла вспомогательную роль, а все ультралевые, не получив какого-либо парламентского представительства, в большей или меньшей степени оказались «попутчиками» победителей: некоторые так и растворились в их рядах. Не сбылись предсказания о возврате к ситуации июня 1936 г. и о всеобщей забастовке, которая позволила бы превратить политическую победу в социальную. Происходившая со времен «первого нефтяного шока» 1974 г. радикальная реорганизация промышленности покончила с концентрацией рабочих в традиционных отраслях. Наемные работники утратили некогда сильные позиции, а их разрозненное сопротивление ошибочно трактовалось как наступление, продолжающее традиции 60-х годов. Придя к власти, социалисты не замедлили в дальнейшем отказаться от своей предвыборной программы и выступили в качестве помощников промышленного патроната. Для представителей крайне левых течений

6 В числе 21 условия вступления в Коминтерн было следующее: «4. Долг распространения коммунистических идей включает в себя особенную необходимость настойчивой систематической пропаганды в войсках. Там, где эта агитация запрещается исключительными законами, она должна производиться нелегально. Отказ от такой работы был бы равносителен измене революционному долгу и несовместим с принадлежностью к III Интернационалу». – *Прим. перев.*

подобное грехопадение оказалось еще более тяжким и сопровождалось деморализацией, бегством из одного лагеря в другой, фактами прямого перехода некоторых людей из рядов движения в высшую администрацию. В обстановке всеобщего делячества 90-х годов многие утратили какое бы то ни было представление о рабочем движении, о практике и смысле объединения в профсоюзы и голосования...

* * *

Примерно тогда же рухнула под давлением населения Берлинская стена, но отнюдь не в результате той «политической революции», что восстановила бы рабочую демократию на базе существующей общественной собственности. После мощного рабочего движения в Польше, достигшего апогея в 1981 г., гигантские политические манифестации лета и осени 1989 г., словно эхо празднования 200-летия Французской революции, прокатились от Пекина до Праги, Будапешта и Берлина, чтобы на время прерваться в Бухаресте. Сам того еще не понимая, «социалистический лагерь» уже начинал разваливаться, а мир капитализма готовился вновь заполнить всю планету. СССР рухнул, исчезли скреплявшие его интернациональные узы, Югославия совершила акт самоубийства... Началось двадцатилетие капиталистического реванша и передела мировых богатств, двадцатилетие настоящих империалистических войн и повторяющихся экономических кризисов, раз от разу все более заметных.

Тем не менее, и в этой радикально изменившейся международной обстановке те скромные французские организации, которым посвящена эта статья, все-таки не исчезли с политической сцены. Еще задолго до 1989 г. в них с разной степенью интенсивности велись дискуссии о выборе пути. Первоначальное стратегическое направление еще за 60 лет до того было задано успехом Октябрьской революции и неудачным исходом революционных выступлений 20-х гг. в Германии и Центральной Европе, однако в наибольшей степени оно было определено поражением, которое Гитлер нанес мощным социал-демократическим и сталинистским партиям в 30-е гг., и необходимостью найти эти партиям премников, способных на деле бороться за социализм. Могло ли данное направление остаться актуальным в конце 80-х гг., когда подобные партии уже давно превратились в бледную тень радикальных некогда сил и

оказались совершенно не в состоянии не только защищать трудящихся, но даже подумать о такой защите? Нужно ли было и далее убеждать эти партии в необходимости революционной перспективы, если им трудно выдвинуть даже проект реформы, не говоря уже о том, чтобы представить себе такое будущее, где наемным работникам не приходилось бы действовать исключительно в интересах акционеров? В подобной ситуации ультралевым объединениям, пусть даже очень немногочисленным, пришлось взять на себя роль этих больших партий, формально все еще существующих, но на деле уже полностью утративших смысл своего бытия.

Экономически активное население, состоящее на 80% из наемных работников, но разрозненное из-за непрерывных преобразований организации труда и находящееся под постоянным прессом капиталистической идеологии, во многом утратило прежнюю систему координат «они и мы». Тем не менее, поиск иного образа жизни продолжался, а потому в отсутствие рационального социалистического проекта многочисленные религиозные идеологии различного происхождения, распространившиеся среди наемных работников и молодежи, отказывались на свой лад принимать «мир таким, каков он есть». Можно ли было продолжать действовать так, будто ничего не произошло и будто мир все еще разделен на три части, тогда как господствующий финансовый империализм уже приступил к его объединению и готовит новые гигантские конфликты?

* * *

Так появилась идея подвести черту под прежней историей, распустив демократическим путем старую организацию, которая, как и любые другие объединения, представляла собой лишь временный инструмент коллективных усилий, о чем собственно давно было сказано в ее программных документах. Так возник план начать строительство новой организации, чьи стратегические цели на какое-то время оставались бы неопределенными, то есть такой, где «революционеры» всех направлений могли бы сосуществовать с «искренними, но последовательными реформистами», организации, которая сумела бы возобновить пропаганду собственно социалистических идей, исчезнувшую из обихода больших партий, и сохранить тот демократический характер деятель-

ности, что сложился за несколько десятилетий повседневной практической работы. Этот проект, носивший разные названия, мало-помалу вынашивался различными троцкистскими организациями, и в середине 2000-х гг. РКЛ после активного обсуждения приступила к его реализации. Дело вошло в практическую фазу как раз тогда, когда мировой экономический кризис, начавшийся летом 2008 г., но ожидавшийся, по меньшей мере, уже в течение двух лет, стал наглядной иллюстрацией того цикла катастроф, в который глобализация вовлекла мировую экономику. Объяснить широким народным массам причины подобной экономической конъюнктуры, изобличить выгоды патроната и увольнения на биржах, предложить перестроить экономику в интересах производителей – всё это вновь стало возможно и необходимо.

Проект явно не предполагает возвращения к временам первых социалистических опытов и к экспериментам XIX в. Подъем уровня образования, всеобщий доступ к современным информационным сетям, широкое понимание той угрозы, которую мировой кризис несет для выживания человечества, сочетаются самым причудливым и невероятным образом с деградацией общественного сознания и упадком гуманистических ценностей, с разрозненностью наемных работников, со всеобщей неуверенностью в своем положении, с ожесточением и доверчивостью к религиозным миллениаристским предсказаниям...

Вот в этих-то условиях и надо пытаться построить новое движение, способное использовать наследие прежнего и, в то же время, привлечь новых членов, далеко не все из которых пока разделяют наши идеи. Никакой гарантии на успех нет, ведь продолжение того что когда-то было, это, как говорится, уже совсем другая история...

Литература по теме статьи

- Barcia R.* La véritable histoire de Lutte ouvrière. P., 2003.
Bensaïd D. Les trotskysmes. P., 2002.
Besancenot O. Tout est à nous. P., 2001.
Idem. Révolution : 100 mots pour changer le monde. 2004.
Besancenot O., Bensaïd D. Prenons parti. P., 2009.
Bourseiller Ch. Extrêmes-Gauches, la tentation de la réforme. P., 2006.
Charpier F. Histoire de l'extrême gauche trotskyste, de 1929 à nos

jours. P., 2002.

Nouveaux défis pour la gauche radicale. Latresne, 2004.

Cosseron S. Dictionnaire de l'extrême gauche. P., 2007.

Coustal F. L'incroyable histoire du NPA. P., 2009.

Fichaut A. Sur le pont, souvenirs d'un ouvrier trotskyste breton. P., 2003.

Fraenckel B. Profession révolutionnaire. Latresne, 2004.

Hacquemand E. Olivier Besancenot, l'irrésistible ascension de l'enfant de la gauche extrême. Monaco, 2008.

Krivine A. Ça te passera avec l'âge. P., 2006.

Lequenne M. Le trotskysme, une histoire sans fard, P., 2005.

Marie J.-J. Le trotskysme et les trotskystes : d'hier à aujourd'hui, l'idéologie et les objectifs des trotskystes à travers le monde. P., 2002.

Nick Ch. Les trotskystes. P., 2002.

Pina Ch. L'extrême gauche en Europe. P., 2005.

Pingaud D. L'effet Besancenot. P., 2008.

Piot O. L'extrême gauche. P., 2008.

Raynaud Ph. L'extrême gauche plurielle : entre démocratie et révolution. P., 2006.

Rousset D. L'univers concentrationnaire [1946] P., 1998.

Idem. Les jours de notre mort [1947]. P., 2005.

Salles Ph. La Ligue communiste révolutionnaire (1968-1981). Rennes, 2005.

Weber H. Lettre recommandée au facteur. P., 2004.